

(Не)известная эпиграмма Пушкина

К творческой истории VII главы «Евгения Онегина»

Кирилл Рогов (Москва)

I. «Непростительные ошибки»

Стихотворение Пушкина «Москва (Из Евгения Онегина)», заключающее в себе строфы XXXVI—XXXVIII и XLIV—LIII седьмой главы романа в стихах, было опубликовано в № 1 «Московского Вестника» (далее — МВ) на 1828 г., где следовало непосредственно за пушкинскими же «Стансами», открывавшими первый номер второго года издания журнала. Книжка вышла 17 января¹, а три недели спустя, 9 февраля, в болгаринской «Северной Пчеле» (№ 17) стихотворение «Москва» было перепечатано со следующим редакционным примечанием: «Сей отрывок напечатан был в одном Журнале, с непростительными ошибками. По желанию почтенного Автора, помещаем оный с поправками в Сев. Пч. — Повторение стихов Пушкина (NB! с его позволения) никогда не может быть излишним. Изд.».

В кругу издателей МВ и сам факт перепечатки, а тем более — болгаринское примечание были восприняты чрезвычайно болезненно. В известной степени (и при активном поощрении Пушкина) журнал одушевляем был именно пафосом противостояния петербургской журналистике Греча-Булгарина. В том же самом первом номере МВ на 1828 г., в «Обзрении русской словесности за 1827 г.» С. П. Шевырев прямо и резко напал на нравописательную прозу Булгарина по случаю выхода первых томов его Сочинений (Пушкин горячо приветствовал этот выпад — *Переписка*: II, 374).

11 февраля В. П. Титов сообщал Погодину из Петербурга: «Пушкин (NB! отведя глаза в сторону) сказывал, что позволил перепечатать Москву взбесясь на опечатки М<осковского> В<естника>, а господа Пчелинцы воспользовались и присовокупили Примечание» (*ЛН* 16/18: 697). Итак, опечатки, допущенные издателями МВ, стали причиной перепечатки. Сразу отметим, что фактических отличий текста МВ от текста «Северной Пчелы» — шесть (на 182 строки). 14 февраля раздосадованный Погодин послал Пушкину проект редакционного ответа издателям «Северной Пчелы», являвшийся, по сути, завуалированным ответом и самому Пушкину, который санкционировал перепечатку (Погодин характеризует в своем дневнике письмо Пушкину как «учтивое и колкое» — *ПВС*: 2, 25; *Дневник*: 189). Это погодинское письмо, сделанные Пушкиным на нем пометы и возражения (*Переписка*: II, 372—374), а также окончательный текст редакционного примечания Погодина, помещенного в № 3 МВ, позволяют в совокупности существенно уточнить историю текста стихотворения «Москва» и проанализировать характер отличий двух его публикаций.

В первоначальном проекте ответа «пчелинцам» Погодин сообщает следующее: «Стихотворение „Москва“ сам Пушкин продиктовал мне в бытность мою в Петербурге, потом дал мне свою черную тетрадь для проверки, и — наконец я показал ему свою копию» (*Переписка*: II, 372). (Погодин выехал в Петербург в 20-х числах декабря 1827 г. и вернулся в Москву 16 января 1828 — *Дневник*: 181, 185; список стихотворения «Москва» был, таким образом, послан им из Петербурга в Москву, очевидно — Шевыреву, в первой декаде января.) Среди отличий текста «Северной Пчелы» Погодин безусловно признает лишь две опечатки: 1) вместо каламбурного *Все тот же друг месье Финмуш* <fine mouche> — в МВ было напечатано: *Флимуш* («не разобрал мой сотрудник», поясняет Погодин); 2) в панораме Москвы: *Бульвары, башни, казаки, Аптеки, магазины моды* — в МВ было напечатано с запятой: *магазины, моды* — явный редакционный недосмотр. Три исправления столь же определенно атрибутируются Погодиным самому Пушкину: 1) знак пропуска между 3 и 4 строфами (т.е. на месте строф XXXIX—XLIII окончательного текста VII главы «Евгения Онегина»; «Об них автор сказал мне поздно, и письмо мое дошло в Москву, когда номер был уже отпечатан», — пишет Погодин в проекте редакционного примечания); 2) исправление очевидного анахронизма, допущенного Пушкиным в панораме Москвы: *Бухарцы, дрожки, огороды* — заменено на *сани, огороды* (дело происходит зимой); 3) «Петровна с именем»: в строке *Все то же лжет Любовь Петровна* — вместо имени Петровны в публикации МВ стояло многоточие (эти последние отличия Погодин охарактеризовал как «два слова, перемененные Автором» — МВ. 1828. № 3. С. 396).

Не вполне ясной остается история еще одного, шестого исправления. В строфе, заключавшей мадригал А. А. Корсаковой (LII строфа: *У ночи много звезд прелестных...*), в МВ было напечатано: *Но ты, которую не смею Тревожить лирою моею, Как величаяя луна Средь жен и дев блестящ одна*; а в «Северной Пчеле»: *Но та, которую не смею... Средь жен и дев блестит одна*. Отличие это в переписке Пушкина и Погодина не обсуждается, а в окончательном тексте погодинского редакционного примечания упомянуто в одном ряду с «Флимушем» и «Магазины, моды», т.е. в ряду признанных опечаток, а не среди авторских исправлений Пушкина².

Пожалуй, замена мадригального 3-го лица на элегическое 2-е гипотетически могла вызвать беспокойство Пушкина в смысле нелитературных отношений и приличий. Касавшийся вопроса взаимоотношений поэта с домом Корсаковых М. О. Гершензон обращал внимание на фразу в письме Вяземского Тургеневу в декабре 1828 г. («Вчера должен он (т.е. П<ушкин>) был быть у Корсаковых; не знаю еще как была встреча»), предполагая пережитое Пушкиным увлечение Александрой Корсаковой и оставшееся «от прошлых отношений Пушкина к этому дому, т.е. от зимы 1826—1827 гг. ... какое-то осложнение». Впрочем, резюмировал Гершензон, «наши сведения слишком скудны, чтобы можно было утверждать это положительно» (*Гершензон*: 100—101). Весьма примечательно, однако, что именно Вяземскому, посвященному, как видим, хоть отчасти в историю этих «прошлых отношений», принадлежит двукратное и весьма определенное указание на

Корсакову как на адресата вмонтированного в текст московской главы «Евгения Онегина» мадригала. По-видимому, Вяземский либо знал эти строки до того, как они стали фрагментом стихотворного описания Москвы, либо видел в них недвусмысленное указание на Александру Корсакову, но во всяком случае — распознавал «кружковую цитату» и увязывал ее с впечатлениями пушкинской московской зимы 1826—27 гг.³ Впрочем, вне зависимости от того, имела ли замена «ты» на «та» для Пушкина существенное значение и кто виноват в том, что в публикации МВ стояло «ты», речь здесь также идет, конечно, не об опечатке (случайном искажении), а о *варианте текста*, по ошибке или недосмотру попавшем в печать.

В целом Пушкин имел некоторые основания быть недовольным публикацией «Москвы» в МВ, однако причиной тому была не столько небрежность издателя, сколь спешка, с какой стихотворение отсылалось для первого номера. Как следует из рассказа Погодина, белой рукописи его не существовало вовсе — стихи были записаны им с голоса, а затем сверены с черновиком, чем, видимо, и объясняется большинство недоразумений. Так, о необходимости звездочек между строфой третьей (XXXVIII окончательного текста) и четвертой (XLIV), маркирующих пробел в повествовании, Погодин мог лишь догадаться по содержанию, а отсутствие имени при отчестве Петровна и «ты» в мадригале Корсаковой, скорее всего, отражают колебания пушкинского текста на стадии окончательной доработки. Вряд ли Погодин решился бы заменить третье лицо на второе по собственному произволу, более правдоподобным кажется предположение о наличии двух вариантов — печатного (с «та») и непечатного, кружкового, педалирующего элегический намек, известного Погодину по пушкинскому черновику или устному чтению. В целом же, кажется, можно говорить, что исправления, появившиеся в републикации «Северной Пчелы», по сути, отразили результат *окончательной авторской правки текста*, для которой публикация МВ послужила родом корректуры.

II. «Безусловное участие»

В любом случае Пушкин не мог не учитывать крайней болезненности републикации стихотворения в «Северной Пчеле» для издателей МВ. А намеренно двусмысленная редакционная приписка Булгарина и вовсе придавала публикации уточненного и исправленного текста вид полемического жеста, направленного против московских журналистов и переводившего вопрос на уровень принципиальной дискуссии об отношении к литературной собственности. Впрочем, и без булгаринской приписки, от которой Пушкин решительно отрецивается в объяснениях с москвичами («не участвовал — ни делом, ни словом, ни согласием, ни ведением. Когда б я видел его корректуру, то, верно б, уж не пропустил выходку, которая так вас беспокоит» — *Переписка*: II, 373—374), републикация «Северной Пчелы» подрывала репутацию МВ как журнала если не в прямом смысле «пушкинского», то во всяком случае имевшего с ним исключительные отношения и являвшегося его

главной литературной трибуной. А именно эта репутация была на момент начала нового подписного года едва ли не ключевым элементом литературно-журнального позиционирования МВ и главным козырем издателей.

Чтобы оценить и смысл булгаринского намека, и актуальные подтексты коллизии с «перепечаткой», необходимо обратиться к более широкому контексту взаимоотношений Пушкина и редакции МВ осени 1827 г. — взаимоотношений, которые на тот момент выглядят вполне драматично. Не останавливаясь здесь подробно на деталях, историко-ведческих лакунах и хронологических вопросах, мы можем лишь вкратце и в общем виде реконструировать канву событий, основываясь на записях годовинского Дневника, а также переписке вкладчиков и редакторов МВ (*Барсуков*: 122—135, 140—152, 165—184; *ЛН 16/18*: 694—697, 733—741; *ЛН 58*: 68—70; *Переписка*: II, 365—371).

Вторая половина 1827 г. отмечена нарастанием внутреннего кризиса в журнале. После отъезда Пушкина из Москвы его участие в МВ, видимо, ослабевает. В течение четырех месяцев, с июня по сентябрь, здесь появляется лишь два его произведения (баллада «Жених» в № 13, вероятно, оставленная редакции еще при отъезде, и «Отрывок из неоконченной поэмы» («Вадим») — в сентябрьском № 17)⁴. В середине июля В. П. Титов сообщает из Петербурга Погодину, что Пушкин отдал отрывки из «Онегина» и «Годунова» в «Северные Цветы», и советует не рассчитывать «на его скорый возврат» к сотрудничеству в журнале (*ЛН 16/18*: 694). В свою очередь, внутри кружка издателей и вкладчиков МВ нарастают неудовлетворенность и несогласия, связанные с редакционной политикой и практикой Погодина (ср. крайне резкие суждения В. П. Титова о 10-м и 11-м номерах журнала, а также письмо Н. М. Рожалина, фактически принявшего на себя редакцию ввиду отсутствия Погодина в июне — *Барсуков*: 123—126). В конце лета в письме Пушкину (оно до нас не дошло) Погодин, по всей видимости, жалуется на отсутствие помощи по журналу и сообщает о намерении издать альманах «Уrania на 1828 год» (в прозрачном подтексте — для поправления финансовых дел). Пушкин, приславший, наконец, во второй половине августа запас стихов для журнала: отрывок из «Онегина» («В начале жизни мною правил...») и «Поэт» («Пока не требует поэта...») — и обещавший еще ряд произведений, не вышедших пока «из-под царской цензуры» («Сцена из Фауста» и «Песни о Стеньке Разине»), в ответном письме от 31 августа решительно восстает против альманаха, призывает Погодина «не покидать Вестника» и обещает «на будущий год» «безусловно деятельно участвовать в его издании», разорвав «непреренно все связи с альманашиками обеих столиц» (*Переписка*: II, 368—370).

Это письмо, с одной стороны, ободрило редакцию и, видимо, предотвратило назревавший в ней раскол⁵, а с другой — стало поводом для нового раздора. По всей вероятности, еще летом у большинства членов кружка (Титов, Одоевский, Рожалин, братья Киреевские) созревает план реорганизации издания, заключавшийся в назначении соредактором МВ С. П. Шевырева, чей критический азарт, как предполагалось, оживит журнал и разрушит самовластие Погодина. Однако заручившийся пушкинскими обещаниями и

увещеваниями «не покидать Вестника» Погодин противится этой перемене (*Барсуков*: 123, 131–133; *ЛН 16/18*: 695, 733–734, 739).

Дело осложняют к тому же финансовые недоразумения между Погодиным и представлявшим интересы Пушкина Соболевским. Как известно, по соглашению с редакцией Пушкин должен был получить за свое сотрудничество в МВ в течение 1827 г. десять тысяч рублей с 1200 проданных экземпляров, но по недостатку подписчиков условие не могло быть выполнено. В конце августа С. А. Соболевский собирается в Петербург, и Погодин передает ему счет издержек по журналу («на клочке бумаги общими и круглыми итогами и с недосмотрениями»), по характеристике Соболевского — *Барсуков*: 130–131), из которого следует, что Пушкину не только ничего не причитается, но еще и должно вернуть деньги из пяти тысяч рублей, данных ему в счет его участия прежде. Соболевский возмущен, между ним и Погодиным происходят резкие объяснения. Другие члены редакции, просмотрев погодинский счет, убеждают Соболевского, что он составлен лишь неаккуратно по форме, но вполне корректно по содержанию, обещают прислать уже в Петербург новый, подробный, на гербовой бумаге, и призывают не рассказывать Пушкину об этих разногласиях и о требовании пяти тысяч, но стараться в пользу общего дела и уговорить его участвовать в МВ на будущий год.

В конце сентября Соболевский намеревается ехать из Петербурга в Михайловское, где находится в это время Пушкин, но поездка эта, видимо, не состоялась (*Модзалевский*: 110). Во всяком случае, задокументированы лишь его переговоры с Пушкиным в конце октября, по возвращении поэта в Петербург. Пушкин вернулся в столицу 16 октября, а Соболевский, как свидетельствует запись в дневнике Погодина, 2 ноября был уже в Москве (*Дневник*: 176 об.), т.е. общение его с Пушкиным, отмеченное не только в переписке современников, но и в донесениях III Отделения, имело место между 17 и 28 октября. Как следует из письма Одоевского и Мальцова, Соболевский показывает Пушкину погодинский счет и рассказывает о требовании пяти тысяч, Пушкин соглашается вернуть деньги, а насчет будущего участия в журнале высказывается в том духе, что «понимает обещание участвовать безусловно <...> так, что он не объявляя себя вовсе участником Вестника, будет присылать в оный сколько стихов ему вздумается». Со своей стороны Одоевский и Титов советуют Погодину напрямую писать Пушкину, дабы уверить, «что с него не думают требовать расчета за прошедшее», и просить «подкрепить» журнал «своим именем и исключительным участием» в будущем году. При этом они предлагают новую формулу финансовых взаимоотношений: «до выручки всех издержек издания и редакции не можем ничего платить ему; а начиная с первой выручки отсчитывать ему первому деньги до тех пор, пока составитя сумма, по 10 р. с подписчика». В приписке к этому посланию Соболевский описывает свой повторный разговор с Пушкиным на ту же тему:

Вчера получил я письмо Шевырева и Погодина, т.е. дружелюбное. Вследствие чего я говорил вторично с Пушкиным, который изъявил мне следующее:

1) Он очень рад, что дело за нынешний год кончено и обещал вам выслать со мною, т.е. на днях уже, обещанного «Фауста».

2) Всякое, могущее еще быть о счетах на 1827 год прение, предоставляет-ся мне.

3) Намерен написать вам письмо следующего содержания: «М<и>люстивые> г<осударь>. Предоставляю за прошлый год Соболевскому и проч. На будущий год безусловно, т.е. и проч.» (ЛН 58: 68–70).

Таким образом неприятная ситуация с расчетом за 1827 г. разрешилась, однако условия дальнейшего участия Пушкина не определены. Причем, если сам он толкует формулу «безусловно» как без всяких (финансовых) условий и твердых обязательств (точно такую форму сотрудничества Пушкин предлагал в 1825 г. Вяземскому и Полевому, вербовавшим его в «Московский Телеграф» — *Переписка*: II, 206, 208), то члены журнального кружка предлагают толковать ее как обязательство помещать новые произведения *исключительно* в МВ. Из приписки Соболевского не следует определенно, изменил ли Пушкин свое толкование «безусловного участия» после того, как вопрос о пяти тысячах был улажен.

Между тем Погодин под 27 октября записал в дневнике: «Пуш<кин> в Петерб<урге> <...> Писал программу журнала»; а под 29 октября: «Пис<ал> письмо к Пуш<кину>» (*Дневник*: 175 об.; ПВС: II, 25). По всей видимости, адресуясь к собственному обещанию Пушкина «безусловно и деятельно участвовать» в МВ и разорвать «связи с альманашниками обеих столиц», Погодин в этом (также не дошедшем до нас) письме следовал предложениям Титова-Одоевского и варьировал их формулу об «исключительном участии». Отклик именно на это его письмо от 29 октября содержится в письме Пушкина Соболевскому, которое обычно датируется «после 10 ноября»: «Погодин мне писал, а я виноват, весь изленился, не отвечал еще и не послал стихов — да они сами меня обескуражили. Здесь в П. Б. дают мне (a la lettre) 10 рублей за стих — а у Вас в Москве — хотят меня заставить даром и исключительно работать журналу» (*Пушкин*: XIII, 349). Более того, в программе издания МВ на 1828 г., составленной Погодиным 27 октября и опубликованной в «Московских Ведомостях» 29-го, сказано: «А. С. Пушкин будет по прежнему участвовать в издании Московского Вестника, то есть помещать свои стихотворения исключительно в оном» (№ 87). Это объявление было перепечатано в № 90 «Санкт-Петербургских ведомостей» 11 ноября — непосредственно в те дни, когда Пушкин выказывает свое раздражение в письме Соболевскому, помяная все то же слово — «исключительно».

Конфликтность погодинского объявления, употребляющего формулу, на которую Пушкин не давал своего согласия, видимо, обсуждалась и в Москве. В № 93 «Московских Ведомостей» (от 19 ноября) объявление Погодина вновь воспроизведено в точности, но соответствующее место читается в нем иначе: «А. С. Пушкин будет по прежнему участвовать в издании Московского Вестника» — никакого упоминания о «помещении своих стихотворений исключительно в оном» здесь нет, в этой же, второй, редакции

объявление перепечатано в первых числах декабря в № 23 МВ. Наконец, намек на эту коллизию с объявлениями, очевидно, следует усматривать в выпаде Булгарина против «Обозрения русской словесности» Шевырева, появившемся в «Северной Пчеле» сразу по выходе № 1 МВ на 1828 г. («Они, вероятно, рассчитывали, что для распространения славы Московского Вестника должно открыть в нем явную войну <...>: это <...> стоит громких объявлений в газетах» — «Северная Пчела». 1828. № 11).

Прямой ответ Пушкина на предложения редакции МВ об условиях дальнейшего сотрудничества нам неизвестен. Дневниковая запись Погодина под 17 ноября («Восхищ<ался> стихами Пушкина из Исаи» — *Дневник*: 178; *ПВС*: II, 25) указывает, что около этого времени он получил стихотворение «Пророк» (в тот же день как литературную новость он показывал его Александре Трубецкой; опубл. в февральском № 3 МВ) и, вполне вероятно, — при пушкинском письме. Во всяком случае, через несколько дней, 22 ноября Погодин вновь пишет Пушкину (*Дневник*: 179). В декабре — получает от него записку с приложением нового отрывка из «Онегина» («Альбомы»), «Стансов» и обещанием «на днях» прислать «Москву» (*Переписка*: II, 371). Наконец, 17 декабря Титов пересылает Погодину письмо и стихи Пушкина со своим комментарием («Тон письма мне не нравится, и нельзя снова не сердиться на болтливость Соболевского. Как отвечать ему — это вам лучше известно <...> Постараюсь только увидеть его на днях и объяснить ему от себя, что уплата ему денег начнется первому из всех, с первой чистой выручки» — *ЛН 16/18*: 696), который позволяет предполагать, что именно здесь Пушкин более определенно ответил на предложения редакции. Письмо Титова должно было дойти до Погодина около 21 декабря, а через несколько дней он сам выехал в Петербург.

Можно с большой степенью правдоподобия предполагать, что Пушкин и при личных переговорах с Погодиным не дал твердого и определенного ответа на предложения редакции. С одной стороны, связывать себя непременными обязательствами на условиях МВ ему было невыгодно, с другой — он не мог от них вовсе отказаться, надеясь покрыть вырученным от московского издания хотя бы часть своего долга нуждавшемуся в деньгах Соболевскому (этим обстоятельством в большой мере объясняется роль и место последнего во всей осенней коллизии)⁶. Во всяком случае, заполучив вскоре по приезду в Петербург стихотворение «Москва» — прообраз будущей VII главы «Евгения Онегина», Погодин немедленно высылает его для первого номера МВ. Открывающие в результате журнал на 1828 год два программных пушкинских текста — «Стансы» и «Москва» — предстают визитной карточкой журнала, подтверждением его особых, исключительных отношений с Пушкиным и наглядным опровержением слухов о разногласиях между редакцией и поэтом.

На фоне этой борьбы за Пушкина последовавшая почти сразу и санкционированная самим поэтом републикация ударного текста первого номера в «Северной Пчеле» обретала дополнительный смысл: она фактически дезавуировала заявленную издателями МВ степень близости Пушкина к журналу и обозначила явственную дистанцию. А двусмысленная приписка

Булгарина и вовсе намекала на известное самозванчество издателей, стремящихся присвоить себе *исключительно* имя Пушкина, и стала вторым (после упоминавшегося уже выпада в № 11 «Северной Пчелы») и особенно эффективным ответом на начало военных действий против него со стороны МВ, — ответом, ставившим под сомнение союзнические отношения издателя с первым поэтом России и их литературный авторитет в целом.

Едва ли справедливо, впрочем, видеть причины осложнений в отношениях Пушкина и редакции МВ исключительно в финансовых вопросах. После переезда в Петербург Пушкин, очевидно, начинает отстраивать новую систему литературных отношений. Уже с июля 1827 г. — времени активного сбора материалов к очередной книжке «Северных Цветов» — отношения эти разворачиваются преимущественно в треугольнике Дельвиг — Сомов — Булгарин (подробный обзор их см.: *Вацуро*, особенно в главе IV — *Вацуро*: 110–117, 122–131). Поздняя осень 1827 г. (по возвращении из Михайловского) и зима 1827–1828 гг. — время наибольшего сближения Пушкина с Булгариным. Так, мы имеем прямые свидетельства о шести их встречах на протяжении ноября–декабря 1827 г. (*Летопись*: 320, 322–323, 327, 334). Зафиксировано это сближение в переписке Булгарина (ср. «Я познакомился с Пушкиным. Другой человек, как мне его описывали и каковым он был прежде в самом деле. Скромнен в суждениях, любезен в обществе и дитя по душе. <...> Он кажется полюбил меня, хотя по правилам Сектатора Вяземского меня не должно ему любить» — *Щукинский сб.*: IX, 161) и с предсказанным неудовольствием отмечено Вяземским («Не стыдно ли тебе пакостнику обедать у Булгарина?» — *Переписка*: I, 258). В свою очередь, «Северная Пчела» в конце 1827 — начале 1828 г. выдерживает подчеркнуто апологетический тон по отношению к Пушкину, а выход «Северных Цветов» трактует как центральное литературное событие.

Следует иметь в виду и еще один вектор пушкинских литературных отношений. В конце октября он по семилетнем перерыве возобновляет знакомство с Жуковским и около того же времени в письмах Жуковскому, Пушкину и Ал. Тургеневу из Москвы Вяземский пропагандирует проект издания «Современник», призванный воссоединить прежний (арзамасский по происхождению) круг, и намеревается в январе лично приехать в Петербург для решительных переговоров на сей счет (*Краснобородько*, *Лобанова*). Нам неизвестна реакция Пушкина на этот план; возможно, он казался ему не вполне реалистичным. Однако сам набор литературных («валентностей») Пушкина — неосуществимый пока «свой» журнал (Вяземский, Жуковский), московский журнал, «Северные Цветы» Дельвига и, наконец, коммерческая «Северная Пчела» — составляет существенно иную конфигурацию, нежели то мыслилось и хотелось («безусловное», «исключительное» участие) издателям МВ.

Таким образом, публикуя уточненный и исправленный текст стихотворения «Москва», Пушкин самим фактом его появления в «Северной Пчеле» аккуратно уточнял свое положение в ландшафте актуальной периодики и в отношении к литературно-журнальным «сектам», уклоняясь от настоячивых притязаний издателей МВ. А в импульсивности его жеста («взбесья на

опечатки» — коих, как мы видели, было три) отразились, по всей видимости, полувыговоренные напряжения и неудовольствия, накапливавшиеся в его взаимоотношениях с издателями МВ в конце 1827 г. Примечательно, что историю с перепечаткой Погодин обсуждал 22 февраля 1828 г. с Вяземским (*ПВС*: II, 25; *Дневник*: 190) и, можно предположить, нашел в нем полное сочувствие. Дело в том, что вся эта коллизия несла черты просто-таки удивительного сходства с эпизодом 1825 г. Тогда Пушкин напечатал в «Северной Пчеле» уточнение к публикации в «Московском Телеграфе» своей эпиграммы «К приятелям» (которой Вяземский дал в «Телеграфе» заголовок «К журнальным приятелям»), чем решительно шокировал Вяземского и Полевого, ведших как раз в это время войну за Пушкина с болгарскими изданиями и настойчиво предлагавших Пушкину оформить свое участие в их журнале коммерческим уговором и формальным объявлением; см.: (*Переписка*: I, 203–204, 209)⁷.

III. Две «Москвы»

Однако, на наш взгляд, существует и еще один уровень интерпретации пушкинского жеста с перепечаткой — собственно связанный с самим содержанием стихотворения «Москва».

Собранные под этим заглавием при публикации в МВ строфы заключают в себе «картину» Москвы: подъезд Лариных к городу с автобиографическим отступлением о возвращении в столицу в 1826 г. (строфа XXXVI), исторические размышления при виде Петровского замка (XXXVII), панорама поездки по Тверской, поворота к Страстному монастырю и в Харитоньевский переулок (строфы XXXVIII–XL); а также изображение московского общества: «родственные обеды» и их завсегдатаи (XLIV–XLV), Татьяна и «младые грации Москвы» (XLVI–XLVIII), Татьяна и московские мужчины (XLIX), Татьяна в театре (L), Татьяна в Собрании (LI–LIII, со вставной «корсаковской» строфой LII). Все фрагменты, связывающие сюжетные линии романа: встреча старшей Лариной с кузиной и их разговор, первая бессонная ночь и воспоминания Татьяны и, наконец, LIV строфа, в которой появляется Генерал, — в стихотворении «Москва» отсутствуют.

Примерно в том объеме, в каком отрывок романа составил стихотворение «Москва», он и был записан Пушкиным в августе–сентябре 1827 г. в Михайловском в тетради ПД № 836 (третья масонская). Начало главы VII: весна, прогулки Татьяны, кабинет Онегина и его альбом — известно нам в варианте, записанном в феврале 1828 г. (тетрадь ПД № 838), а библиотека Онегина, сборы Лариных в Москву, поездка, встречи с родней и появление генерала, т.е. собственно романическая, сюжетная канва главы, — прописаны в Малинниках осенью 1828 г. (*Иезуитова*: 144–146; *Сандомирская*: 260–261). Для нас важно, что текст, опубликованный в начале 1828 г. под заглавием «Москва», был написан единым куском, и хотя структура будущей VII главы в этот момент была Пушкину, видимо, еще не впол-

не ясна, являлся законченным самостоятельным фрагментом онегинского повествования, соответствовавшим первому пункту второй части плана ПД № 102: «Москва — Генерал — Одесса» (напомним, что одесские строфы в качестве отрывка VII главы были опубликованы еще в мартовском № 6 МВ за 1827 г.). Смысловую законченность и целостность отрывка, составившего стихотворение «Москва», подчеркивали в публикации МВ и три эпиграфа к нему — те самые, которые известны нам как эпиграфы к VII главе «Евгения Онегина».

Однако внимательное чтение михайловского черновика обнаруживает значительные отличия его от той редакции, в которой текст попал к Погодину в конце декабря 1827 — начале января 1828 г. и был опубликован в МВ. В целом рифменная и, соответственно, мотивная канва отрывка в михайловской редакции вполне прописана и близка окончательной, однако ряд поправок и добавлений существенно корректирует общий смысл московского эпизода романа. Дело в том, что в михайловском черновике Москва оценила Татьяну, в то время как во второй, «погодинской», редакции напротив — нет.

Так, каноническое: *Архивны юноши толпою На Таню чопорно глядят, И про нее между собою Неблагодарно говорят. Один какой-то шут печальный, Ее находит идеальной...* — имеет в тетради ПД № 836 существенно иной вид: *Архивны юноши толпою На Таню издали глядят О милой деве меж собою Они с восторгом говорят. Московских дам поэт [печальный] Ее находит идеальной.* Замечательно, что ровно то же самое происходит с Татьяной и в театре. Вместо канонического: *Не обратились на нее Ни дам ревнивые лорнеты, Ни трубки модных знатоков Из лож и кресельных рядов* — читаем в первой михайловской редакции: *И обратились на нее...* Пушкин даже развивает тему, намечая начало следующей строфы: *Внизу вопросы зашумели Кто эта с правой стороны В четвертой ложе...*

Таким образом, можно, кажется, утверждать, что в процессе доработки в октябре—декабре 1827 г. концепция московского эпизода романа существенно изменилась: в первой редакции главная героиня производила в Москве почти фурор, во второй — оставалась абсолютно непонятой и незамеченной «пустой» Москвой. Речь идет не просто о смене сюжетного решения, но о значимом, принципиальном смещении всей концепции стихотворения. Весьма показательны, что и две инвективные строфы — «грибодовская» XLV (*Но в них не видно перемены...*) и XLVIII (*Татьяна вслушаться желает В беседы, в общий разговор <...> — И даже глупости смешной В тебе не встретишь, свет пустой*) — в михайловской редакции отсутствовали. Они появляются лишь в тексте, опубликованном в МВ, окончательно прочерчивая антитезу «Татьяна — московское общество», ставшую смысловым стержнем московской главы.

Исключительно характерной в этом отношении представляется переработка первой, мемуарной строфы отрывка «Москва». В михайловской редакции она звучит так: *...Перед ними Уж белокаменной Москвы Как жар с крестами золотыми Горят старинные главы... Я помню: как я был до-*

волен Когда церквей и колоколен Садов, чертогов полукруг Открылся предо мною вдруг Москва! как много в этом звуке Для сердца русского слилось!.. Как много в нем отозвалось! В изгнаныи, в горести в разлуке — Москва! как я любил тебя Св<ятая> родина моя! Переработка строфы шла в направлении снижения патетического накала (варианты нижнего слоя черновика дают еще более выразительную картину: Все чувства русского слились — И так предчувствия сбывлись; Как дети с матерью в разлуке — Так любят). Перестановка строк и замена финальной коды в следующей «погодинской» редакции — еще один шаг в этом направлении. Но особенно замечательным представляется нарочитое снижение в замене: Я помню: как я был доволен — на каноническое второй редакции: Ах, братцы! Как я был доволен, — подчеркивающее дистанцию между мемуарной эмоцией изгнанника, въезжающего в Москву, и актуальным настроением повествователя.

Все это позволяет, кажется, говорить именно о двух редакциях стихотворения «Москва». В первой, михайловской редакции патетические переживания въезжавшего в древнюю столицу изгнанника оказывались интродукцией к восторженной встрече московским обществом героини романа, во второй редакции это мемуарное переживание отстранено и включено в систему мотивов и антитез, формирующую противоречивый образ Москвы, закрепленный полифоническим тройственным эпиграфом.

IV. «Москва—Итака»

Существенно, что с самого начала (уже в михайловской редакции) характерным и конструктивным для всего романа образом сюжетное пространство московского эпизода разворачивается как сдвоенное, параллельное автобиографическое и объективированное (сюжетное) повествование. Помимо прямой автобиографической параллели (въезд в Москву Лариных — въезд Пушкина в 1826 г.), весь московский эпизод пронизан впечатлениями, обстоятельствами и словами московской зимы Пушкина 1826—1827 гг. (ср., например, варьирование формулы из эпиграммы на Шаликова в черновиках строфы об «архивных юношах», мадригал Корсаковой и пр.). При этом допускается даже некоторый анахронизм: так, согласно хронологии романа, действие московской главы разворачивается в 1822, в то время как те, кого мы подразумеваем под «архивными юношами», — Веневитиновы, Киреевские, Мальцов, Шевырев — поступили в Архив в 1823 г., а их поколенческое самоопределение (в том числе — и в представлении самого Пушкина) отчетливо связано с постдекабристской эпохой. Иными словами, панорама московского общества скорее отражает время пушкинского пребывания в Москве зимой 1826/1827 гг., нежели календарное (додекабристское) время романа (отметим, что первое прямое упоминание VII главы Пушкиным относится ко времени поездки в Михайловское в ноябре 1826 г. — Пушкин: XIII, 310, а в марте опубликован первый отрывок ее согласно плану ПД № 102).

В михайловской редакции патетическое воспоминание о собственном возвращении из ссылки в Москву оказывается своеобразным автобиографическим камертоном, определяющим характер всего московского эпизода. А триумф Татьяны в московском обществе как бы повторяет триумф самого Пушкина в Москве осенью 1826 г. Ср. единодушные описания современниками первого после возвращения из ссылки появления Пушкина в московском театре: «Мгновенно разнеслась по зале весть, что Пушкин в театре; имя его повторялось в каком-то общем гуле; все лица, все бинокли обращены были на одного человека, стоявшего между рядами и окруженного густою толпою» (*Майков*: 361); «Когда Пушкин <...> вошел в партер, мгновенно пронесся по всему театру говор, повторивший его имя: все взоры, все внимание обратилось на него» (*ПВС*: II, 5), — почти буквально спроецированные в соответствующий эпизод появления в театре Татьяны, намеченный в черновиках. Во второй же, погодинской, редакции сюжетным ключом — вместо предполагавшегося триумфа — становится полное одиночество Татьяны в пустой Москве, а картина московского общества решена с помощью аллюзии грибоедовской Москвы (весьма характерно, что стихотворение «Москва» не понравилось Вяземскому: «В «Московском Вестнике» есть Москвы описание Пушкина, не совсем озаменованное талантом его. Как-то вяло и холодно, хотя, разумеется, есть много и милого. Он, шут, и меня туда ввернул» — *ЛН* 58: 52).

Нельзя, кажется, не отметить, что подобная трансформация московского сюжета в биографии Татьяны отчасти параллельна перипетиям собственных взаимоотношений Пушкина с городом своего рождения. Как отмечали и современники, и исследователи, автобиографическая коллизия московской зимы поэта 1826/27 г. внутренне противоречива и драматична. Атмосфера воодушевления и триумфа по возвращении в Москву из ссылки довольно скоро сменяется нотами разочарования (ср. в письме Вяземскому от 9 ноября из Михайловского: «Милый мой, Москва оставила во мне неприятное впечатление...» — Пушкин: XIII, 304) и нарастанием драматических переживаний (неудачное сватовство, актуализация трагического предсказания о белой голове). Начало 1827 г. озаменовано несколькими эпиграмматическими жестами, направленными в адрес салона Э. Волконской (см. подробнее: *Вацуро* 1989) и также, видимо, отражавшими нарастающий дискомфорт Пушкина в московском обществе, который, согласно некоторым свидетельствам, вскоре перерастает в конфликт. Сошлемся здесь на хрестоматийный фрагмент воспоминаний Шевырева: «Москва неблагодарно поступила с ним. После неумеренных похвал и лестных приемов охладели к нему, начали клеветать на него, взводить на него обвинения в ласкательстве и наушничестве и шпионстве перед государем. Это и было причиной того, что <он> оставил Москву» (*ПВС*: II, 50). В нашем распоряжении нет источников, которые бы подтверждали и детализировали этот рассказ, однако следует отметить, что сюжет его в общем виде фактически воспроизведен позднее в московском эпизоде «Странствия» Онегина (*Замечен он — об нем толкует Велеречивая Молва Им занимается Москва Его масоном именует Сплет<ает> про него стихи И производит в женихи — Пушкин*: VI, 479), где слово

«шпион» сначала мелькает в варианте 4 стиха (*Его шпионом именует*), а затем в наброске схемы 5 стиха (*Шпионом <пропуск> женихом*)⁸. Забавно, что строфы «Странствия», посвященные превращению Онегина в «патриота»: отъезд из Петербурга — Новгород — дорога через Валдай, Торжок и Тверь — Москва — Нижний — Астрахань — записаны Пушкиным в Москве 2—3 октября 1829 г., а приведенные пять стихов с описанием отношений к нему московского общества набросаны, по убедительному суждению Я. Л. Левкович, несколькими днями позже — уже по отъезде из Москвы, в Павловском (Левкович: 252—259).

Сошлемся, наконец, еще на одно свидетельство, разрабатывающее те же мотивы стремления в Москву и разочарования в ней в биографии Пушкина. В середине 1850-х гг. Ф. Ф. Вигель комментировал обращенное к нему пушкинское четверостишие 1824 г. (*Скучной ролью Телемака Я наскучил, о друзья, О Москва, Москва—Итака! Скоро ли тебя увижу я?*..) следующим образом: «Он <Пушкин> ее <Москвы> не знал <...>; но, в душе патриот, одну Москву почитал отчизной. В 1832 году и несколько лет после Москва была и моею любимую мечтою... В помянутом году объяснял я Пушкину свои желания и надежды. „Нет, сказал он мне, не ездите туда. Я сам должен был оставить Москву; я вас знаю, вы будете изнывать, глядя на все, что там происходит. В обществе какая бестолковщина, и какой мрачный характер принимает зреющее, учащееся юношество...“» («Русский архив». 1893. № 8. С. 576). Как видим, цепь этих свидетельств описывает по сути единый сюжет: патриотического, одухотворенного стремления в Москву и следующего затем жестокого разочарования в московском обществе. Этот сюжет отразился, по нашему мнению, в эволюции пушкинского замысла московской главы «Евгения Онегина» и в полифоническом звучании ее окончательного текста, где воспоминание о патриотическом порыве въезжавшего в Москву изгнанника полемически противопоставлено сатирическому описанию московского общества и неблагоприятной встрече, оказанной им героине пушкинского повествования.

V. «Архивны юноши»

В новой сюжетно-автобиографической конструкции московского эпизода появление Вяземского во второй половине строфы, описывающей мужское общество столицы, обрело совершенно новую роль. Если в первой редакции внимание Вяземского выглядело лишь еще одним штрихом московского триумфа Татьяны, то во второй оказывалось вполне остро и значимо противопоставлено неблагоприятности «архивных юношей», не оценивших ее. Кстати, и сама «встреча» с Вяземским во второй редакции заметно скорректирована. В отличие от салонно-игривого решения первой редакции: *К ней [важный] Вяземский подсел И ею сразу завладел* — окончательный вариант *К ней как-то Вяземский подсел, И душу ей занять успел* — подчеркивает именно этот идеологический характер эпизода в отношении к общей смысловой конструкции стихотворения «Москва». С другой стороны, описание мужского общества усилено в погодинской редакции остро сатири-

ческой строкой (*Один какой-то шут печальный*), придающей всей первой половине строфы движение эпиграмматической эскалации.

Упоминание Вяземского, эпиграмматически противопоставленного «архивным юношам», оказывается в некотором смысле кульминацией нового сюжетного решения — пушкинского «переосмысления» Москвы и предпринятой в связи с этим своеобразной автобиографической инверсии. Дело в том, что пребывание поэта в Москве в 1826—1827 гг. в перспективе пушкинской литературной биографии ассоциируется в гораздо большей степени с «архивными юношами», нежели с Вяземским, отношения с которым переживают в тот момент если не кризис, то по крайней мере заметное испытание (неучастие Вяземского в МВ, публикация в МВ эпиграммы на него «Прозаик и поэт», неудовольствия в связи с его отзывом о «Цыганах»), и скептического отношения к которому не скрывают в кругу МВ — тех самых «архивных юношей» (см. подробнее: *Рогов*). В связи с этим можно, кажется, сделать предположение и относительно сюжетной функции «корсаковской строфы» (также появившейся лишь в погодинской редакции). Риторическая конструкция мадригала построена на противопоставлении его героини прочим представительницам женского общества Москвы (*красавиц много — но лишь одна*) и в этом смысле как бы повторяет тот же смысловой рисунок: функция его героини в отношении лирического повествователя в известном смысле аналогична функции Вяземского в отношении к Татьяне — единственного оставшегося в душе глубокого впечатления. (Это тем более замечательно, что, несмотря на тонкие указания и предположения Гершензона, Александра Корсакова все же не принадлежит к числу наиболее известных героинь пушкинской московской зимы 1826—27 гг.) Во всяком случае, можно основательно утверждать, что Вяземский и Корсакова оказываются единственными «положительными» героями пушкинской панорамы Москвы, маркирующими взаимопроникновение биографического пространства московской зимы Пушкина 1826/27 г. и сюжетного пространства «татьяниной Москвы». А противопоставление «архивных юношей» и Вяземского в описании мужского общества столицы — едва ли не является одной из тех, написанных «беглым почерком пера» эпиграмм, которые, по суждению того же Вяземского, Пушкин «вставлял» в своего «Онегина» и в которых взывал со своих «должников»⁹.

Как известно, по выходе VII главы отдельным изданием в 1830 г. Булгарин намекал, что описание «архивных юношей» является заимствованием из «Ивана Выжигина». Пушкин через «Литературную газету» парировал обвинение, указав, что отрывок, содержащий эту формулу, был опубликован в «Северной Пчеле» за два года до выхода романа, а в черновиках ответа критикам «Евгения Онегина» сделал помету: «А [шутка] неправильное выражение *Архивны юноши* принадлежит не мне, а приятелю моему С<оболеском>у» (*Пушкин*: XI, 392)¹⁰. Среди опубликованных в «Северном Архиве» в 1825—1828 гг. отрывков из «Ивана Выжигина», действительно, нет XVI главы, содержавшей описание московского общества и пассаж об «архивном юношестве». Однако претензия Булгарина имела все же определенную подоплеку. Выпады против нового московского поколения

стали (в контексте соперничества с московской журналистикой) одной из традиционных сатирических тем булгаринских изданий и его собственного нравоописания еще со времен полемики с «Мнемозиной» в конце 1824 — начале 1825 г. Так, в 1825 г. в № 16 «Северного Архива» напечатан был памфлет Ушакова «Метафизик», содержащий достаточное количество весьма точных цитат из быта участников раичевского кружка — московских шеллингианцев. А совсем незадолго до эпизода со стихотворением «Москва», в конце 1827 г., в № 140 «Северной Пчелы» (вышедшем 22 ноября) помещен памфлет самого Булгарина «Доморощенные мудрецы нашего века, или молодо, зелено». Действие его, правда, разворачивается в Петербурге, однако направлен он непосредственно против шеллингианских умствований новейшей молодежи. (Вполне вероятным представляется, что именно эта публикация явилась дополнительным толчком к резкому выпаду Шевырева против «нравоописаний» Булгарина, которыми отмечен был первый номер МВ 1828 г.). И в этом смысле генезис булгаринского образа московской молодежи в «Иване Выжигине» выглядит следующим образом: выпады против юных мудрствователей — поклонников Шеллинга в нравоописательной журналистике Ушакова—Булгарина — включение «архивных юношей» в пушкинскую сатирическую панораму Москвы — пассаж об «архивном юношестве» в XVI главе «Ивана Выжигина».

Итак, в первых числах января 1828 г. Пушкин передает Погодину для публикации в МВ совершенно новый и весьма важный отрывок из «Евгения Онегина» — стихотворение «Москва», в котором столкновение патристического (исторического), автобиографического и сатирического повествовательных ракурсов формирует полифонический московский текст, отразивший «переосмысление» Пушкиным московского эпизода собственной биографии. Однако если при публикации стихотворения в московском журнале, ассоциированном с теми самыми «архивными юношами», этот общий смысл стихотворения читался именно как амбивалентный, то его перепечатка в булгаринской «Пчеле», сама по себе отчетливо направленная против издательской практики московских журналистов (тех самых «архивных юношей»), безусловно, усиливала антимосковские обертоны стихотворения, а строфа об «архивных юношах» выглядела едва ли не ее ударным местом и во всяком случае — уже неприкрытой эпиграммой.

Мемуарное отступление «Ах, братцы! Как я был доволен», представляющаяся в этом контексте вариацией темы «Москва-Итака», корсаковская строфа, как бы корректирующая реальную любовно-биографическую канву пушкинской московской зимы 1826/27 гг. (в частности — историю бурного увлечения и неудачного сватовства к Софье Пушкиной), и, наконец, эпиграмма на «архивных юношей», полемически противопоставленных здесь Вяземскому в их отношении к главной героине и — имплицитно — к самому Пушкину, — составляют, по нашему мнению, единый автобиографический пласт московского эпизода романа, оказывающийся контрапунктом его романтической сюжетной канвы — одиночества Татьяны в Москве.

И это вновь возвращает нас к вопросу о допущенном Пушкиным анахронизме в описании московского общества. Вряд ли вполне убедительно выгляде-

ло бы здесь предположение о неосознанной ошибке, равно как и искушение окончательно дезавуировать пушкинские заверения, что время в романе «рассчитано по календарю». Пребывание Татьяны в Москве, по нашему мнению, вполне конструктивным образом спроецировано Пушкиным на собственную биографию, и именно это соположение формирует смысловую канву московского эпизода романа. Обращает на себя внимание, что пунктуально рассчитана по календарю и ретроспективно синхронизирована с биографией Пушкина прежде всего «онегинская» хронология романа (встречи в Петербурге в 1819 г., посещение Бахчисарайского фонтана «три года после» Пушкина, встреча в Одессе в 1823—1824 гг. и — гипотетически — еще одно пересечение в декабристском окружении, где Пушкин читал свои «ноэли»). Это, так сказать, автобиографическое (онегинское) время романа. Тогда как сюжетное время Татьяны оказывается, с одной стороны, «оторвано» от пушкинской автобиографии (Пушкин-персонаж, знакомый Онегина не присутствует в нем), но зато неявно спроецировано в актуальную биографию Пушкина-автора и рефлектирует свежие впечатления и переживания эпохи создания соответствующих глав: деревня — жизнь в Михайловском, Москва — возвращение после ссылки и зима 1826/27 гг., Петербург — впечатления петербургского света 1829—1830 гг. Это актуальное биографическое время составляет, наряду с ретроспективной автобиографической параллелью Онегин—Пушкин, еще один сквозной биографический ряд, определяющий ход и характер сюжетного времени Татьяны.

Коллизия с публикацией стихотворения «Москва» в «Северной Пчеле», по нашему мнению, действительно, оказывается при ближайшем рассмотрении финальным и вполне значимым этапом творческой истории московского эпизода романа. Замысел и смысл текста трансформируются не только в процессе движения от первой, михайловской, ко второй, погодинской, редакции отрывка, но и уточняется в движении от его первой публикации ко второй, несмотря на то, что никаких существенных поправок в текст внесено не было. И это движение, по сути дела, отражает эволюцию и кристаллизацию на протяжении работы над текстом (август 1827 — февраль 1828) пушкинского взгляда на Москву и московский эпизод собственной биографии 1826—1827 гг., приоткрывая нам «автобиографическую лабораторию» онегинского повествования.

Примечания

- ¹ (Пушкин в печати: 318—319); цензурное разрешение номера датировано 9 января; вернувшийся в Москву из Петербурга 16 января редактор МВ М. Погодин, 17 января был «в Типог<рафии>, Ценз<уре> и лавке» (т.е. — книжной лавке А. С. Ширяева), как следует из его дневниковой записи, которую следует, видимо, понимать в том смысле, что Погодин получал билет и отвозил свежий номер в книжную лавку; под 18 января Погодин записал: «Читал Вестник...» (Дневник: 185). Исходя из этого мы датировем выход номера 17 января.
- ² Полный текст окончательной редакции погодинского примечания звучал так:

Мы сличили оба издания и нашли, что у нас

Вместо *Финмуш* напечатано Флимуш; *магазины моды* без запятой в середине;

ты вместо *та*. Еще в новом издании есть два слова, перемененные Автором (МВ. 1829. № 3. С. 396).

- 3 Опознавательным кодом, позволяющим Вяземскому идентифицировать героиню мадригала с А. Корсаковой, могло быть, например, сравнение с луной (ср. бледность в качестве отличительной черты ее портрета в набросках «Романа на Кавказских водах»). Возможно, в качестве такого кода выступал цитатный пласт мадригала. Напомним, что Н. Л. Бродский возводил корсаковскую строфу к строкам «Тавриды» С. Боброва («Все звезды в севере блестящи, Все дщери севера прекрасны; Но ты одна средь их луна. Твои небесны очи влажны Блестят — как утренние звезды...») — *Бродский: 274*. Возможно, эта цитата была первоначально применена к Корсаковой, а лишь затем трансформировалась в самостоятельный реминисцентный текст, через «чужое слово» вводящий автобиографическую реалию. Несмотря на то, что удовлетворительное решение этого вопроса на основании имеющихся у нас сведений вряд ли возможно, сама его постановка представляется существенной в отношении более общей проблемы, которая здесь будет нас интересовать, — автобиографических подтекстов, а точнее даже — «автобиографической лаборатории» онегинского повествования.
- 4 Пушкин покидает Москву вечером 19 мая; 16 июня Н. М. Рожалин сообщает Погодину, что получил от Пушкина «Наташу», которая не успеет в № 12 МВ — речь идет о правленной Пушкиным корректуре (см.: *ЛН 16/18: 694; Пушкин и его современники: XVII—XVIII, 267—269*), которая, следовательно, должна была быть отпечатана еще в первой декаде июня; весьма вероятным представляется, что именно ее посылал Пушкин Погодину с запиской от 10 июня. Смысл записки в этом случае может быть реконструирован следующим образом: Соболевский продиктовал или записал «Наташу» по памяти, затем корректура отправлена Пушкину, который возвращает ее Погодину при записке от 10 июня («ай да Соболевский, ай да Байбак! Что тут он нагородил!»), однако Погодин еще в первых числах июня срочно покинул Москву в связи с болезнью отца, оставив редакционные дела на Рожалина, к которому, в конце концов, 16 июня попала пушкинская посылка. (В изданиях писем Пушкина комментаторы обычно придерживаются выдвинутой Модзалевским версии, что речь идет о корректуре II главы «Евгения Онегина» — *Письма: 245; Переписка: II, 365*; однако в академическом издании слово «корректурa» помещено в алфавитном указателе под статьей «Московский Вестник», т.е. интерпретируется так же, как и у нас — *Пушкин: XIII, 330, 601*.)
- 5 Ср. фразу в письме Н. М. Рожалина Соболевскому от 13 сентября: «Шевырев и прежде был несогласен почитать Вестник, а теперь ты видишь, что планы Телеграфа рушились и сле<овательно> нет никакой надобности изменять общему делу» (*ЛН 16/18: 733*), — смысл которой раскрывается в адресованных тому же Соболевскому упреках Шевырева: «Ты <...> предлагал Полевому сотрудничество Пушкина» (*ЛН 16/18: 733, 740*).
- 6 Вопрос о пушкинском долге возник сразу после смерти матери Соболевского, поставившей его в трудной финансовое положение (см. письмо Пушкина к нему от 15 июля 1827: Пушкин посылает Соболевскому часть суммы и остается должен еще 2500 р. — *Пушкин: XIII, 331—332*). По всей видимости, к этому же времени относится и попытка Соболевского «переключить» пушкинское сотрудничество на «Московский Телеграф» (о чем упоминает Шевырев), обеспечив его хоть какими-нибудь гонорарами. В конце августа Соболевский, по-видимому, пытается получить с московских участников МВ деньги, ранее вложенные им в издание (см. письмо Киреевского к нему — *ЛН 16/18: 733*).

На то, что некоторая, не вполне определенная договоренность Пушкина с Погодиным относительно сотрудничества в 1828 г. все же имела место, указывает фраза в пушкинском письме Соболевскому февраля 1828 г. («Ты ничего не пишешь о 2100 р. мною тебе должных <...> Вот в чем дело: хочешь ли оную сумму получить с Моск<овского> Вес<тника> — узнай, в состоянии ли они мне за нынешний год выдать 2100?» — *Пушкин: XIV, 5*). Как видно из июльского письма Пушкина Соболевскому, надежды на выручку от МВ не оправдались (*Пушкин: XIV, 22*); характерно, впрочем, что и участие Пушкина в журнале, после того как был исчерпан полученный Погодиным в декабре 1827 г. и в Петербурге на новый год запас стихов (№ 1—4, 6, 9), практически прекращается.

- ⁷ Ср., впрочем, остроумную интерпретацию этого эпизода Т. Г. Цявловской, считавшей адресатом эпиграммы М. С. Воронцова, находившегося в этот момент в Петербурге; в этом случае заглавие Вяземского искажало сам смысл эпиграммы, а поправку Пушкину необходимо было внести срочно и в таком издании, которое бы гарантированно попало на глаза адресату (*Цявловская*: 180–184).
- ⁸ Ю. М. Лотман в биографии Пушкина соположил эти строки с эпизодом, упомянутым в черновике письма Вяземскому в сентябре 1828 г.: «Полтор<ацкие><?> уехали в <нрзб> а А. П.<?> [распустил] сбол<тнул> в Твери<?> что я шпион, получаю за то 2500 в месяц<?> [сумма] (которые очень бы [н<ам>] мнегодились благодаря крепсу) и ко мне уже являются трою<родн<ые> братцы за местами<?> и за милостями<?> [за<нрзб>] царскими<?>» (*Лотман*: 123; *Пушкин*: XIV, 266). Отметим, однако, что эпизод этот ни в коем случае не корреспондирует со свидетельством Шевырева: во-первых, Пушкин с отъезда в мае 1827 г. не бывал в Москве, речь идет о службе, якобы пущенном А. Полторацким в Твери, по пути из Петербурга, где он проводил время в компании Н. Д. Киселева и Пушкина за карточной игрой, кроме того, весь рассказ явно должен быть соотнесен с общим шутивно-циническим тоном письма; характерно, что Пушкин даже не включил его в окончательный текст (*Там же*: 26).
- ⁹ Ср. у Вяземского: «Кто был в долгу у него, или кого почитал он, что в долгу, тот, рано или поздно расплачивайся с ним, волею или неволею. <...> Если Пушкин и был злопамятен, то разве мимоходом и беглым почерком пера напишет он эпиграмму, внесет кого-нибудь в свой „Евгений Онегин“ или в послание, и дело кончено. Его point d'honneur, его затея чести получала свою сатисфакцию, и довольно» (*ПВС*: I, 121–122; ср.: *Там же*: 115).
- ¹⁰ Истории выражения «архивные юноши» Н. О. Лернер посвятил специальную заметку (*Лернер*: 87–90) и, хотя вопрос не выглядит по сей день окончательно ясным, указания его чрезвычайно ценны. И прежде всего — Лернер обратил внимание на полуофициальный характер этого выражения еще в начале XIX в., отразившийся в заглавии издания «Дипломатические статьи из Всеобщего Робинстонова Словаря, переведенные при московском архиве служащими благородными юношами в 1802, 1803, 1804 и 1805 годах под надзором Статского Советника А. Малиновского». В воспоминаниях Вигеля находится характеристика этого первого поколения архивных юношей, к которому принадлежали, помимо самого Вигеля, Д. Н. Блудов, Д. В. Дашков, П. Б. Козловский, и его роли в московском обществе («казались существами привилегированными; в московских обществах, на московских балах архивные юноши долго, очень долго заступали место екатерининских гвардии сержантов» (*Вигель*: 159–160; см. также: 160–176). Первые варианты мемуаров Вигеля об этой ранней поре его жизни относятся, очевидно, к концу 1830-х гг. и, возможно, отчасти отражают уже сложившуюся традицию описания «архивного юношества». Почти в тех же выражениях описывает его поступивший в московский архив Министрства иностранных дел четверть века спустя, в 1825 г. А. И. Кошелев («Архив прослыл сборищем „блестящей“ московской молодежи, и звание „архивного юноши“ сделалось весьма почетным, так что впоследствии мы даже попали в стихи начинавшего тогда входить в большую славу А. С. Пушкина» — *Кошелев*: 11). Можно предположить, что «шутка» («неправильное выражение») Соболевского состояла именно в ироническом применении полуофициальной, бюрократической формулы к кружку московских умников — сверстников и друзей Соболевского, которым он тем не менее, по свидетельству современника, нередко «придавал уморительные эпитеты, со смехом повторявшиеся самими членами <кружка>» (*Полевой*: 156).

Литература

- Барсуков — Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889. Кн. 2.
- Бродский — Бродский Н. Л. Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина. Пособие для учителей средней школы. М., 1950.
- Вацуро — Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига—Пушкина. М., 1978.

- Вацуро 1989* — Вацуро В. Э. Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13.
- Вигель* — Записки Ф. Ф. Вигеля. М., 1891. Ч. 1.
- Гершензон* — Гершензон М. О. Грибоедовская Москва. П. Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989.
- Дневник* — Дневник М. П. Погодина. 1822—1829. ОР РГБ. Ф. 231/1. К. 31. № 1.
- Иезуитова* — Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 836 (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. XIV.
- Кошелев* — Кошелев А. И. Записки (1812—1883). Берлин, 1884.
- Краснобродько, Лобанова* — Краснобродько Т. И., Лобанова Л. П. На пути к «Современнику» // Русская литература. 1983. № 3.
- Левкович* — Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841 (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XII. Л., 1986.
- Лернер* — Лернер Н. О. Пушкинологические этюды // Эвенья. М.; Л., 1935. Т. V.
- Летопись* — Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 2: 1825—1828.
- ЛН 16/18* — Литературное наследство. М., 1934. Т. 16/18.
- ЛН 58* — Литературное наследство. М., 1952. Т. 58.
- Лотман* — Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1997.
- Майков* — Майков Л. Н. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1989.
- Модзалевский* — Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники. Избранные труды (1898—1928). СПб., 1999.
- Переписка* — Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982.
- Письма* — Пушкин А. С. Письма. М.; Л., 1928. Т. 2: 1826—1830.
- Полевой* — Полевой Н. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934.
- Пушкин* — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1937—1949. Т. I—XVI.
- ПВС* — Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985.
- Пушкин в печати* — Пушкин в печати. 1814—1837. Хронологический указатель произведений А. С. Пушкина, напечатанных при его жизни. М., 1914.
- Пушкин и его современники* — Пушкин и его современники. СПб.; Л., 1903—1930. Вып. I—XXX.
- Рогов* — Рогов К. Ю. Из истории учреждения «Московского Вестника» (к проблеме «Пушкин и Вяземский»: осень 1826 года) // Пушкинская конференция в Стэнфорде. 1999. Материалы и исследования. М., 2001.
- Сандомирская* — Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. (ПД № 838) (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. X.
- Цявловская* — Цявловская Т. Г. «Муза пламенной сатиры» // Пушкин на юге. Труды пушкинских конференций Одессы и Кишинева. Кишинев, 1961. Т. 2.
- Щукинский сб.* — Щукинский сборник. М., 1902—1912. Вып. I—X.

Тартуский университет
Кафедра русской литературы
Кафедра семиотики

Российский государственный гуманитарный университет
Институт высших гуманитарных исследований

ЛОТМАНОВСКИЙ СБОРНИК

3

О·Г·И
Москва 2004